

А. С. Голикова

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д. ф. н. В. А. Миловидов

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С АРАБСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Цель данной статьи – не глубинный разбор некой проблемы, а краткий обзор ряда особенно интересных, характерных и/или сложных для решения задач, которые могут возникнуть в ходе арабо-русского перевода современного художественного текста. Первый пример относится к проблеме, уже обсуждаемой прежде [Голикова 2018: URL], а именно, распространённости и “нормативности” предложений без подлежащего в арабском языке.

أه ناصر! كف عن الصلاة يا ابني. لقد أصبحوا يصلون أيضاً ويلبسون ثياب التقوى.
[Mosteghanemi 2000: 358]

Насер, сынок, не молись больше! *Они* теперь тоже молятся, *они* тоже облачились в одеяние из богобоязненности. [Здесь и далее перевод с арабского наш, если не указано иное - А. Г.]

В данном предложении описывается следующая ситуация: Насер – брат девушки, которую выдают замуж за крупного алжирского правительственного функционера (чьё имя намеренно не указывается). Насер отказывается присутствовать на свадьбе родной сестры, так как презирает современную алжирскую элиту и считает брак с таким человеком отвратительным. Вместо того, чтобы идти на праздник, Насер отказывается выходить из мечети и проводит всё время в молитве. Главный герой, он же рассказчик, тем временем, присутствуя на свадьбе девушки, в которую безумно влюблён, в своём внутреннем монологе красочно описывает низость всей алжирской элиты, присутствующей на свадьбе, так как те, по мнению главного героя, предали алжирскую революцию. В данном предложении нет подлежащих, а сказуемые имеют форму множественного числа, мужского рода и настоящего времени: по тексту, предшествующему этому высказыванию, нетрудно догадаться, что речь идёт именно о тех самых людях, которых так презирают Насер и главный герой. Передать это отсутствие подлежащего на русском не представляется возможным, но вставить вместо него, например, “министры”, “генералы” и т. п., также кажется не лучшим вариантом, так как это стёрло бы намёк, присутствующий в оригинале, и заменило бы его прямым текстом (не говоря уже о том, что при переводе злоупотребление подобными вставками может привести к фактическим ошибкам). Таким

образом, было решено передать на русском отсутствие подлежащего местоимением “они”, выделенном курсивом, делая таким образом ударение на подлежащем.

В следующем примере отсутствие подлежащего сочетается с проблемой омографов, возникающей, если не указаны огласовки, которая также упоминалась ранее [Голикова 2018: URL]:

كان كل شيء معداً للموت يومها, حتى أن حلاق مساجين الحق العام, أخبر الشهيد القائد مصطفى بن بوالعيد في الصباح, أنهم غسلوا المقصلة بالأمس, وأنه حلم أنهم “نفذوا”.

وكانت هذه الكلمة تحمل معنيين بالنسبة لمصطفى بن بوالعيد, الذي كان يعد منذ أيام خطة للهرب من (الكديا)..

[Mosteghanemi 2000: 323]

Всё было готово для казни, но утром к Мустафе Бен Булаиду, главному среди смертников, пришёл парикмахер (стрижка и бритьё были правом заключённых) и сказал, что вчера мыли гильотину, а ночью ему, парикмахеру, снилось, как они «отошли в лучшее место». Для Мустафы Бен Булаида эти слова имели двойное значение – он уже несколько дней планировал сбежать из эль-Кудии.

В оригинале реплику парикмахера можно понять и как “они (палачи) выполнили приказ”, и как “они (заключённые) вышли”: глагол نفذ, при котором нет подлежащего, стоит в прошедшем времени, мужском роде и множественном числе, но в зависимости от породы (определяемой наличием или отсутствием шадды () над вторым коренным согласным) он может означать разные вещи, и, следовательно, подразумевать при себе разные подлежащие, описывающие разные группы людей. В первой породе глагол نَفَذَ означает “проникать, проходить, пробиваться (...) выходить”, во второй (نَفَّذَ) он имеет следующие значения: “выполнять, приводить в исполнение, осуществлять” [АРАБУС beta: URL]. Чтобы передать эту двусмысленность, подчёркиваемую даже самим текстом, на русском пришлось бы заменить многозначный глагол на расхожий эвфемизм.

Следующий пример иллюстрирует проблему транскрипции:

معك رحت أكتشف العربية من جديد. (...) أستسلم لإغرائها السري, لتعاريجها, لإجاءاتها. رحت أنحاز للحروف التي تشبهك.. لتاء الأنوثة.. لحاء الحرقة.. لهاء النشوة.. لألف الكبيرة.. للنقاط المبعثرة على جسدها خال أسمر..

[Mosteghanemi 2000: 219]

Но с тобой я начал заново открывать для себя арабскую речь и научился (...) покоряться её скрытому соблазну, её изгибам, её намёкам. Я начинал предпочитать буквы, похожие на тебя: женственную «та»,

пылающую «ха», опьяняющую «ha», высокомерный «алеф» - и точки, тёмными родинками рассыпанные по телу арабской азбуки.

В русском языке не существует единой системы транскрипции для арабского языка (в отличие, например, от системы Палладия для китайского или системы Поливанова для японского), поэтому в каждом отдельном случае приходится действовать в зависимости от обстоятельств: иногда опираться на традицию (если речь идёт о хорошо известных концептах или именах собственных), иногда – поступать по собственному усмотрению. В данном случае передать различие двух арабских букв весьма трудно, несмотря на то, что в оригинале они пишутся и произносятся совершенно по-разному: буква “حاء” является глухим ларингальным фрикативом. Н. В. Юшманов описывает её как “сильный шопот при сужении прохода за язычком; настроен на а, э, о” и в своей “академической” (т. е. нацеленной на специалиста, а не на массового читателя) транскрипции передаёт её как ħ (с точкой внизу) [Юшманов 2008: 7]. Буква “هاء” представляет собой гораздо более слабый и мягкий звук: Н. В. Юшманов описывает её как “придыхание (как дышат, чтобы запотеть стекло)” [Юшманов 2008: 7] и передаёт просто русской буквой “х”, без точки и других знаков. Однако, в отличие от “ ħ ”, подобная транскрипция которая, скорее всего, потребует дополнительных пояснений, у буквы “هاء” есть и другая транскрипция, устоявшаяся в некоторых современных социолектах русского языка. В Интернете нередко можно видеть, как русскоязычные мусульмане пишут “Аллаһ” вместо “Аллах” (например: [Аллаһ, а не Аллах 2018: URL]); более того, подобное написание встречается даже в Национальном корпусе русского языка (правда, всего один раз):

Я считаю, что христиане и мусульмане веруют в единого Бога, только называют Его на разных языках по-разному. **Аллаһ**, — неожиданно добавил Роберто Карлос. О ПЛАНАХ — Мой второй отец Сулейман Керимов уже обсуждал со мной перспективу остаться в «Анжи» и после завершения контракта. [Артур Мехтиханов. Роберто Карлос: Керимов для меня как второй отец // Советский спорт, 2011.06.11] [Национальный корпус русского языка: URL]

Так как в слове “Аллаһ” (الله) стоит та же самая буква هاء, что упоминается в цитате выше, представляется возможным в данном случае передать её на русском как “ha”.

Говоря об экстралингвистических особенностях, необходимо в первую очередь выделить проблему переводческого комментария. Не вызывает никакого сомнения, что при переводе подобного текста

комментарии необходимы, однако не стоит забывать, что перед нами в первую очередь художественный текст и что чрезмерное количество комментариев способно его “утяжелить” и сделать неоправданно сложным для восприятия. Главным представляется избегать избыточных комментариев, т. е. таких, без которых можно обойтись. Например:

لعرسك لبست بدلتي السوداء.

(...)

لماذا اخترت اللون الأسود؟

ربما لأنني يوم أحببتك أصبحت صوفياً, أصبحت أنت مذهبي وطريقي.

[Mosteghanemi 2000: 351]

На твою свадьбу я надел чёрный костюм. (...)

Почему я выбрал именно чёрный?

Может, потому, что в день, когда я тебя полюбил, я стал суфием, а ты – моим мазхабом и моим тарикатом.

На русском языке есть немало трудов о суфизме (см., например, библиографию на сайте Института восточных рукописей РАН [Институт восточных рукописей 2005: URL] или в статье А. В. Сызранова [Сызранов 2014: 154-165]). Информация о том, кто такой суфий и что такое мазхаб и тарикат, не является исключительно редкой или недоступной и не требует, по нашему мнению, в данном случае переводческого комментария. Комментарий уместен в тех случаях, когда некоторые места исходного текста совершенно не могут быть без него понятны, как в следующем примере, который возвращает нас к проблеме транскрипции:

وكنت أنا أستعيد لهجتي القديمة معك. كنت أَلْفِظُ التا “تساء” على الطريقة القسنطينية.

[Mosteghanemi 2000: 142]

С тобой я снова начал говорить на диалекте, как раньше: вместо «т» говорил «ц», как делают в Константине (...)

Если опираться только на русский текст, логичным выводом было бы, что рассказчик произносил название города как “Консцанцина”, хотя это совершенно не так: арабское название города, قسنطينة (Qasantina) не содержит в себе того звука, который в этом диалекте заменяется на “ц”. Звук, который в нём содержится, не имеет аналога в русском языке, произносится “с напряжением языка и щек, с подъемом зада языка к мягкому нёбу и с низким тоном вроде ль, о, ы” [Юшманов 2008: 7] и передаётся буквой طاء, тогда как в оригинале речь идёт о букве تا, передающей звук, аналогичный русскому “т”. Чтобы у читателя не сформировался неверный образ, стоит пояснить в комментарии, что речь идёт о разных звуках: без знания арабского алфавита и арабских

географических названий это понять невозможно, а устоявшегося способа отобразить на письме разные арабские буквы в данном случае не сложилось.

Ещё один случай, который требует переводческого комментария:

كان حبك ياتي مع (...) العطور والأصوات والوجوه, مع سمرة الأندلسية وشعرهن الحالك.
معفساتين الفرح.. مع قيثاره محمومة كجسدك.. مع قصائد لوركا الذي تحبينه.. مع حزن أبي
فiras الحمداني الذي أحبه.

[Mosteghanemi 2000: 216]

Любовь к тебе вернулась (...) вместе с этими запахами, голосами, лицами, андалузскими смуглянками с их локонами, чёрными, как смоль; вместе с весёлыми платьями, гитарой, жаркой, как твоё тело, стихотворениями любимого тобой **Лорки** и печалью любимого мной **Абу Фираса аль-Хамдани**.

Здесь приводятся мысли главного героя, находящегося в Андалузии (некогда бывшей частью Кордовского халифата). Поскольку здесь он перечисляет всяческие атрибуты этой местности (андалузский поэт Лорка, андалузские красавицы, их платья и т. д.), логично было бы предположить, что Абу Фирас аль-Хамдани тоже имеет к Андалузии некое отношение. Однако простая биографическая справка тут не поможет и даже помешает, так как этот арабский поэт 10 в. Р. Х. и член эмирской семьи родился на территории либо современной Сирии, либо современного Ирака, а большую часть жизни провёл тоже на территории современной Сирии, где и погиб [Diwan Abi Firas al-Hamdani 1994: 6-10], не имея таким образом никакой связи ни с Кордовским халифатом, ни даже с Алжиром или другими частями Северной Африки. Зато этот поэт известен главным образом своим циклом “Ар-Румийат” (букв. “ромейские”, т. е. римские, византийские стихотворения), написанном в византийском плену. Переводы некоторых стихотворений этого цикла представлены в русскоязычной антологии “Арабская поэзия средних веков” и дают весьма недвусмысленное представление о чувствах поэта к иностранцам и иноверцам:

“Не единожды видел я смерть пред собой
И вовек: “Пощади!” - не шептал ей с мольбой.
Мне ль страшиться, что чашу сию изопью?
Лишь хотел бы, как братья, погибнуть в бою
(...)
Все же горестно мне, обессилев от ран,
Погибать на чужбине, среди христиан.
Не разверстой могилы боюсь - их злорадства.
Помоги же, во имя священного братства.

Мы радуем себя мыслью, что в отпавимся в загробном мире туда
скором времени же, куда и ты.

[Diwan Abi Firas al-Hamdani 1994: 161-162]

Таким образом, в комментарии необходимо указать (конечно же, не так подробно) две эти ассоциации, которые должно вызывать имя аль-Хамдани: ненависть к чужакам и любовь к матери.

В заключение хотелось бы сказать, что данная тема ещё далеко не исчерпана и требует дальнейших исследований в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

Аллах, а не Аллах. (Как правильно произносить) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BoYf9eMtl5U> (дата обращения: 08.05.2019)

Арабская поэзия средних веков. М.: Издательство “Художественная литература”, 1975. 768 с.

АРАБУС beta (арабско-русский и русско-арабский словарь онлайн, составленный на основе арабско-русского словаря Баранова) [Электронный ресурс]. URL: <http://arabus.ru/> (дата обращения: 08.05.2019)

Голикова А. С. Морфология арабского языка как проблема художественного перевода // X Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных “Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты”. Тверь, 26 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] URL: http://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/4791/Golikova_AS_2018.pdf (дата обращения: 08.05.2019)

Институт восточных рукописей. Введение в исламоведение: Раздел VII [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orientalstudies.ru/eng/index.php?option=content&task=view&id=268> (дата обращения: 08.05.2019)

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.05.2019)

Сызранов А. В. Новые отечественные исследования по истории суфизма в Поволжье в XX в. // Вестник РГГУ. Серия “Исторические науки. История России”. 2014. № 19 (141). С. 154-165.

Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка / Под ред. и с предисл. И. Ю. Крачковского. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 168 с. (Языки народов мира.)

Diwan Abi Firas al-Hamdani. Beirut, Dar al-Kitab al-Arabi, 1994. 423 s.

Mosteghanemi A. Zhakirat al-Jisd. Beirut, Dar al-Arab, 2000. 406 s.